

**Никита
Яковлевич
Бичурин
(1777—1853)**

***К**итаевед, востоковед
и историограф,
член-корреспондент
Российской академии наук,
действительный член
Азиатского общества в Париже.*

СЛЕДОПЫТ ВОСТОКА

Никита Яковлевич Бичурин — выходец из бедных слоев сельского духовенства, представители которого занимались христианским просвещением чувашей. Его дед Данил Семенов (предполагается, что был из чувашей) в 50-х годах XVIII века служил дьячком Сретенской церкви в с. Чемурша-Типсарино Чебоксарского уезда, в 1764 году посвящен в сан священника и переведен в Успенскую церковь с. Акулево Цивильского (с 1781 года — Чебоксарского) уезда. Следуя традиции церкви, служителями культа стали и его сыновья — Яков и Иван Даниловы. Отец нашего знаменитого земляка — Яков Данилов — родился в 1749 (или в 1750) году, обучался в Казанской духовной семинарии. В 1770 году он стал дьяконом Акулевской церкви, где священником был его отец.

Никита, первенец в семье Якова и жены его Акулины Степановой, родился в 1777 году в с. Акулево, а в 1779 семья переехала в с. Бичурино Свяжского (с 1781 г. — Чебоксарского) уезда, по названию которого он и получил впоследствии фамилию Бичурин. Вот что писал современник Н. Бичурина, историк Н. С. Щукин: «Отец его, дьячок Иаков, не имея даже фамилии, всю жизнь провел в этом звании и крестьянских трудах. Сын его Никита поступил, в восьмом году возраста, в училище нотного пения города Свяжска. В 1785 году перешел в Казанскую семинарию, где и дано ему прозвище Бичурина, по селу, в котором родился». Удивительна историческая атмосфера, в которой рос будущий богослов. Детство Никиты прошло среди приволжских чувашей, отличившихся своей самоотверженной борьбой в повстанческих отрядах Емельяна Пугачева. В годы, предшествовавшие Крестьянской войне, чувашское население подвергалось насильственной христианизации.

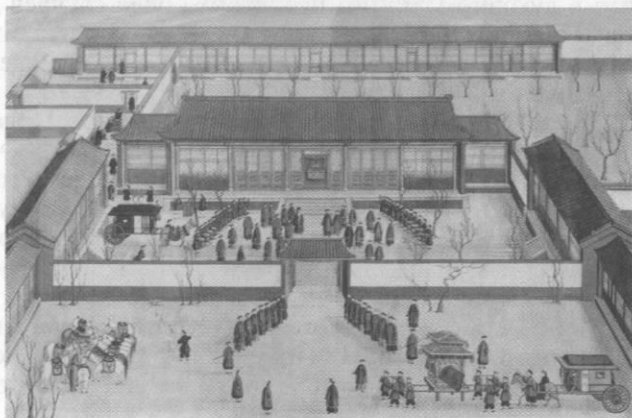
Для активного внедрения православия среди нерусского крестьянства преосвященные архиепископы Вениамин (Пуцек-Григорович), Антоний (Герасимов-Забелин) и особенно Амвросий (Подобедов) в годы управления ими Казанской епархией старались подготовить грамотных проповедников за счет пополнения духовной семинарии учениками из семей служителей церкви. «Святым» отцам, пытавшимся под разными предложениями освободить своих детей от духовных училищ, угрожали штрафами, отсылкой на «черную работу», сдачей виновных в солдаты, отлучением от церков-

ной службы. Родителям Никиты Бичурина, как и другим священнослужителям, не приходилось даже и думать об увольнении сыновей из духовного ведомства для получения светского образования, — Синод не дозволял этого. И «Казанского наместничества Свяяской округи села Пичурина священника Якова Данилова сыну Никите» путь был один — в духовное учебное заведение.

Казанская духовная семинария, в которой Никита Бичурин пробыл около 14 лет, готовила священнослужителей для многих регионов — от Волги до «азиатского» Востока.

В 1785 году в Казань для управления епархией переведен в сан архиепископа «талантливый проповедник слова божьи» Амвросий Подобедов. В годы его управления (1785—1799) Казанская духовная семинария была преобразована в академию. Помимо обычных религиозных дисциплин в учебные планы вошли и светские, для работы в семинарии стали привлекать способных воспитанников Московского университета, Московской духовной академии, Александро-Невской семинарии. Эти новшества повышали интерес к учебе, улучшилась подготовка церковников и педагогов. Никита Бичурин выдержал изнурительные испытания голодом, холодом, болезнями и прочими невзгодами, выпадавшими на долю бедных бурсаков. В 1798 году в Казанскую духовную семинарию определили и его младшего брата Илью. Никите Бичурину надо было заботиться и о нем. Сам он все годы учебы — в числе лучших учеников, поражал учителей своими способностями. И был представлен казанскому архиепископу Амвросию Подобедову, который затем «благотворил ему всю жизнь».

Вид Пекинского православного монастыря и посольского двора во время пребывания Н. Бичурина в Китае. Рисунок 1820-х гг.

«По окончании курса учения, в 1799 году, сделан был учителем грамматики в той же семинарии, переименованной уже в академию. В 1800 году пострижен в монашество и сделан учителем высшего красноречия. В 1802 году произведен в архимандриты и послан в Иркутск ректором тамошней семинарии», — лаконично сообщается в «Автобиографической записке» Н.Я.Бичурина.

После пострижения в монашество он под именем «Иакинф» определен «в число соборных иеромонахов Санкт-Петербургской Александро-Невской лавры, и того же месяца 22 дня произведен во иеродияконы; 1801 года августа 25 дня произведен в иеромонахи, а ноября 7-го препоручено управление Казанского и Иоанновского монастыря».

Быстрое продвижение Никиты Бичурина по духовному ведомству современники объясняли по-разному, нередко допускались и совсем уж необоснованные предположения. Большинство биографов его пострижение объясняли неразделенной любовью. Например, в журнале «Русская старина» (август-сентябрь, 1888 г.) были опубликованы воспоминания внучки Бичурина Н.С.Моллер, в которых она утверждала, что двоюродные братья и большие друзья Никита Бичурин и Александр Карсунский по окончании курса в академии полюбили одну девушку — Татьяну Саблукову, жившую с родителями в Казани. Друзья порешили: «Тот, который будет выбран, жениться, а другой пойдет в монахи». Выбор будто пал на Карсунского, а Никита принял монашество. Однако Моллер признавала, что не может поручиться за достоверность этого семейного предания. Гораздо убедительнее мнение историка Н.С.Щукина: «Начальство не выпускает из вида людей даровитых. Молодому учителю было внушено, что в духовном звании предстоит более случаев достигнуть до высших степеней, нежели в светском, и Никита Яковлевич Бичурин, отказавшийся прежде от сана священника, надел клобук с именем Иакинфа в 1800 году...»

А заставило Бичурина покинуть родное Поволжье и уехать для служения в Сибирь только одно обстоятельство — в Казани не было солидной вакантной должности для продвижения в церковно-монастырской службе. Архимандрит Иакинф Бичурин прибыл в Иркутск 4 августа 1802 года, принял по описи в свое управление «Вознесенский монастырь, церкви, утварь и церковную ризницу, деньги и все монастырские вещи и припаси». В его ведение перешла и духовная семинария, а с 9 августа 1802 года он стал непременно участвовать в заседаниях Иркутской духовной консистории. Под контролем молодого архимандрита в монастыре стали строить новые

хозяйственные помещения, а также готовить черноризцев и бурсаков к миссионерско-просветительской деятельности.

Уже в первые месяцы своего пребывания в Иркутске Бичурин убедился: церковно-монастырские дела в епархии сильно запущены, в здешней семинарии не было дисциплины, семинаристы «иные ходили в классы поздно, а другие — когда был досуг». Иакинф стал строго наказывать за самоволие. Это вызвало ропот и недовольство учеников, и они, в стоворе с недовольными черноризцами из Вознесенского монастыря, установили негласный надзор за личной жизнью своего наставника, чтобы обвинить его в нарушении церковно-монастырских уставов и отстранить от управления монастырем и семинарией. Выяснив, что в покоях архимандрита под видом послушника Адриана Иванова проживает молодая жен-

Портрет
Н.Бичурина,
известный под
названием
«Благородный
китаец в летнем
одеянии».
Литография
А.Орловского.
Фоторепродукция
1928 г.

щина, группа пьяных семинаристов начала ее поиск, закончившийся буйным бесчинством. Так в Синоде появилось дело № 183 на 447 листах о «происшедшем в Иркутской семинарии беспорядке от семинаристов и оказавшегося при сем случае предосудительного поступка архимандрита Иакинфа», получившее широкую огласку. Разбирательства в высших гражданских и церковных инстанциях тянулись долго. Наконец было вынесено решение об отстранении архимандрита от правления монастырем и снятии с ректорской должности. Высочайше утвержденный указ предписывал владыке Иркутской епархии незамедлительно «отправить Иакинфа с паспортом в Тобольск к тамошнему преосвященству Антонию, архиепископу, с тем, чтобы он употреблен был по рассмотрению его, архиепископа, учительскую по семинарии должность, под присмотром и наблюдением надежной духовной особы, рапортуя о поведении его, Иакинфа, святейшему Синоду по прошествии каждого года». По приговору палаты уголовного суда Иркутска, 9 семинаристов за свой «буйный поступок» были «выключены» из духовного звания, наказаны розгами и по велению царя определены в приказные служители.

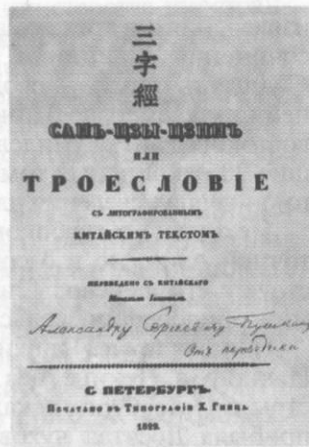
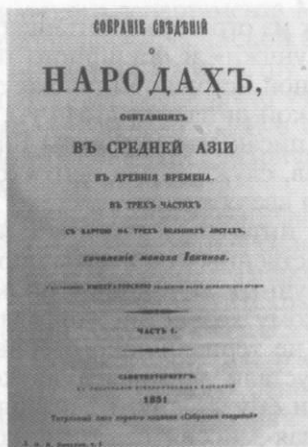
В марте 1806 года опальный Иакинф покинул Иркутск и выехал в г. Тобольск — место ссылки государственных преступников.

Здесь Иакинф стал изучать историко-этнографические и географические сочинения о народах Сибири и восточных стран, с особым усердием штудировал литературу о Китайской империи и ее жителях, интересовался сведениями о посольстве в Китай графа Ю.А.Головкина, застрявшего в Иркутске. Зная о благосклонном отношении к себе главы «великого посольства», Бичурин втайне надеялся, что с его помощью сможет занять должность начальника Пекинской духовной миссии и осуществит свою сокровенную мечту — узнает ближе малодоступную тогда Китайскую империю и сопредельные с ней страны.

Надо отметить, что близко познакомившись с Бичуриным, граф Головкин был восхищен его недюжинными лингвистическими способностями, превосходной памятью и деятельной натурой. Это и предредило дальнейшую судьбу отца Иакинфа — он был назначен начальником миссии. 18 июля 1807 года миссия выехала из Иркутска и 17 сентября из пограничного русского города Кяхты отправилась в столицу Срединной империи.

Сведения по истории и этнографии народов Зарубежной Азии, накопленные за первое столетие существования Российской духовной миссии в Пекине, были весьма скудными. Бичурин по пути в

Титульные
листы книг
Н.Бичурина
«Собрание
сведений о народах,
обитавших
в Средней Азии
в древние
времена» и
«Сань-цзы-цзинь
или Троеслобие»,
преподнесенной
автором
А.Пушкину.

Пекин вел подробный дневник, стремясь описать «проезжаемую страну с селениями и городами, состояние в оной годовых времен... и даже присовокупить к сему статистическое описание Монголии». Часть этих записей была позже использована в его «Записках о Монголии», вышедших в 1826 году в Петербурге. С уверенностью можно сказать, что интерес Иакинфа Бичурина к жителям Монголии и Китая, укладу их жизни и самобытной культуре имел научно-познавательный характер. Проезжая через Монголию, он изучал монгольский язык и с увлечением собирал историко-этнографические сведения о монгольских племенах.

Основная цель русской православной миссии в Китае заключалась в распространении православия.

Однако архимандрит Иакинф оказался «малоусердным» наставником миссионеров и до конца своей жизни подвергался гонениям. Но именно ему было суждено стать первым русским ученым, приступившим к тщательному изучению истории народов Центральной и Средней Азии на основе письменных источников на восточных языках. В продолжение четырех лет пребывания в Китае Н.Я.Бичурин составил китайско-русский словарь, послуживший первоосновой для составления многотомных китайско-русских словарей. Наряду с изучением книжного и разговорного китайского языка отец Иакинф занялся письменными источниками по истории, географии, этнографии, медицине.

На седьмом году жизни в Пекине он перевел литературно-исторический свод учений Конфуция, затем приступил к переводам-

извлечениям в трех томах из огромного китайского географического сочинения «Дайцин и Тунчжи» и обширного перевода в 16 томах «Тунцзянь ганму» — сводной истории Китайского государства с древнейших времен до Цинской династии (1644 г.). Видный советский востоковед Л.Н.Гумилев писал, что переводы Бичурина, составляющие 20 рукописных томов, служили для него «колодцем, из которого он черпал сведения для своих работ».

Не только о глубоком интересе Бичурина к жизни народов Восточной Азии, но и о собственных обширных познаниях свидетельствуют его переводы научных сочинений по китайской астрономии, философии, сельскому хозяйству, торговле, судоходству.

Однако нравы эпохи не терпели такого вольнодумства. И пока Иакинф в Пекине без устали занимался наукой, царские министры в Петербурге искали ему замену. 1 декабря 1820 года в Пекин прибыла Десятая духовная миссия с архимандритом Петром Каменским.

15 мая 1821 года члены Девятой духовной миссии во главе с Иакинфом Бичуриным, сопровождаемые 30 верблюдом (15 из них были нагружены вьюками и ящиками с книгами, рукописями и другими предметами огромной научной ценности), телегами и небольшим казачьим отрядом, двинулись из Пекина в обратный путь на родину. Он еще не знал, что в Синоде и Министерстве духовных дел готовится судебное обвинение по донесениям сибирского генерал-губернатора И.Б.Пестеля, иркутского губернатора Н.И.Трескина и архимандрита П.И.Каменского о многочисленных «прегрешениях» отца Иакинфа и отдельных членов Девятой миссии.

Синод приговорил его к ссылке на вечное поселение в Соловецком монастыре, «с тем, чтобы, не отлучая его отсюда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре употреблено было старание о приведении его к истинному в преступлениях его раскаянию». Отца Иакинфа лишили архимандритического и священнического сана, но оставили в монашеском звании.

Царь Александр I утвердил указ Синода, но предложил содержать опального монаха Иакинфа Бичурина не в Соловецком монастыре, а под строгим присмотром в монастыре на острове Валаам, что на Ладожском озере. Положение ссылке в монастырском остроге приводит Бичурина в отчаяние от мысли, что «погибли все надежды сделать труды... полезными отечеству».

Многие просвещенные умы России пытались смягчить участь ученого-монаха. Среди них был и барон П. Шиллинг фон-Канштадт,

видный чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел и член-корреспондент Российской академии наук. По прошествии четырех лет он доложил министру иностранных дел, что в Валаамском монастыре живет бесполезно ученый-китаист, а между тем министерству нужен такой человек. И в 1826 году государь император высочайше повелеть соизволил: «Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту».

Началась новая веха в жизни Иакинфа. Знаменитый синолог стал желанным гостем в литературных салонах столицы, посещал субботники князя В.Ф.Одоевского, познакомился и подружился с А.С.Пушкиным, В.Г.Белинским, Н.А.Некрасовым, И.А.Крыловым. В течение многих лет он сотрудничал с журналами «Московитянин» М.П.Погодина и «Московский телеграф» П.А.Полевого.

Пик творческого подъема ученого относится к 1827—1837 годам, когда были завершены исследования в области востоковедения, создано «Статистическое описание Китайской империи». Дважды он совершал научные поездки в Забайкалье. В 1828 году вышло в свет несколько его монографий, а также — «Записки о Монголии», которые сразу были переведены на немецкий и французский языки. За выдающиеся научные труды Академия наук четырежды присуждала ему Демидовскую премию.

Продолжительная экспедиция (1830—1831) в азиатскую часть России не только обогатила ученого новыми материалами. Во время пребывания в Забайкалье он решает оставить монашество. По возвращении из экспедиции, 29 августа 1831 года, в день своего рождения, Бичурин из Троицкосавска, расположенного близ Кяхты, подает в Синод прошение о снятии с него монашеского сана. Однако воля «августейшего» самодержца всея Руси Николая I такова: оставить Иакинфа Бичурина «на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашества...» В 1835 г. Бичурин был вновь направлен в Сибирь, где выполнял основные поручения Азиатского департамента. В Кяхте ему было поручено организовать училище китайского языка. В столицу он вернулся в январе 1838 г. В этом же году вышла в свет его «Китайская грамматика». В 1840 — еще одно научное исследование «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». Это издание было выпущено на средства С.А.Мициковой, дочери близкого друга и двоюродного брата Бичурина А.В.Карсунского. Следующим энциклопедическим трудом неутомимого сиолога стало «Статистическое описание Китайской империи», а в 1844 году Н.Я.Бичурин выпустил книгу «Земледелие в Китае с семьюдесятью двумя чертежами разных земледельческих орудий», про

которую литературный критик и поэт П.А.Плетнев писал: «Русские не могут быть не признательны к ученым трудам отца Иакинфа за множество любопытных сведений, которые он передал им из самого источника». В 1848 году цензура разрешила печатание книги «Китай в гражданском и нравственном состоянии», которой, как писали критики, он наконец-то объясняет загадку этой великой страны.

С января 1846 года, приступив к систематизации, «решив привести в исторический порядок и издать в свет» китайские сведения о древних среднеазиатских народах, Н.Бичурин в течение 10 месяцев заканчивает рукопись «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» — «плод с лишком 20-летних занятий». 12 апреля 1849 года Академия наук присудила за нее Н.Я.Бичурину полную Демидовскую премию. Готовя рукопись в печать, Иакинф Бичурин серьезно заболел: «Май, июнь и июль отняты у меня болезнью, особенно тяжелы и опасны были последствия холеры, поразившей меня в половине июня...»

Его ближайший друг, редактор журнала «Московитянин» М.П.Погодин, отмечал: «Отец Иакинф — истинный ревнитель науки: он не только сообщает сведения, неутомимый в своих трудах, но и наблюдает, пользуемся ли мы ими как должно».

До последних дней своей жизни Н.Я.Бичурин не прерывал связи с родным Поволжьем. Почти все его родственники принадлежали к духовному ведомству. В конце декабря 1844 года иерей церкви архистратига Михаила из Ядрина Казанской губернии Андриан Васильевич Талиев осмелился написать Бичурину простодушное письмо о родстве с ним: «...Я буду внук покойного Василия Прокофьевича, иерея Абашевского, от дочери его Марии Васильевой, выданной за иерея в село Яндашево Чебоксарского уезда Василия Иванова. Ваша родственница, двоюродная сестрица Мария Васильевна, моя родительница, гостит у меня». Переписка их продолжалась в течение нескольких лет и прервалась, вероятно, в начале 1850 года из-за болезни ученого. А.В.Талиев и его родня не теряли надежды, что «любезнейший дяденька, живущий в Петербурге», выполнит свое обещание: «я лъщу себя надеждой увидеть Вас, ибо в проезд на Вашу родину или в Казань нельзя миновать нашего города», — сообщал он 22 января 1849 года из Ядрина. Писал Бичурину и его земляк, исследователь языка и этнографии чувашского народа, русский по национальности, В.П.Вишневский, отец которого находился с ученым в дальнем родстве. Личные встречи и переписка с коллегами давали Бичурину богатую информацию о научной жизни в Казани, напоминали о родной земле.

Последствия непрерывных умственных занятий сказывались на здоровье Н.Я.Бичурина. Еще в середине 1840-х гг., и в письмах к М.П.Погодину он жаловался, что «лекари очень советуют оставить сидячую жизнь». Однако он не изменял свои устоявшиеся привычки и, наперекор советам врачей и своему преклонному возрасту, не прерывал научные занятия. Так, 12 декабря 1851 г. в письме к М.П.Погодину он сообщает: «...Я не вовсе оставляю Ваш журнал, а по временам буду доставлять кое-что, в доказательство же сего и теперь прошу принять две статьи, еще не бывшие ни в одном из журналов; в первой из них описано первоначальное вступление Езуитов в Макао и в Пекин, вторая содержит верную родословную Дома Чингисханова. Если одобрите, попрошу поместить их в Вашем журнале, а мне на память прислать пять оттисков и экземпляра».

Он по-прежнему интересуется историей древних народов Центральной и Средней Азии, намеревается написать специальную статью о движении калмыков из Джунгарии в Восточную Европу.

Поистине трагичными были последние месяцы жизни великого ученого. Уже совсем больной и беспомощный, находясь в монастырской лечебнице, он умирал в окружении монахов, которые, по словам современников, «не любили отца Иакинфа и также нисколько о нем не заботились». В воспоминаниях Н.С.Моллер дана ужасающая картина предсмертных дней Иакинфа.

Посетив келью отца Иакинфа за несколько недель до его кончины, Н.С.Моллер увидела, в каких неподобающих условиях находился

**Памятник
Н.Бичурину
в Чебоксарах.
Скульптор
В.Нагорнов.
Архитектор
А.Трофимов.
Фото 2002 г.**

ученый с мировым именем. Жестокосердые монахи-схимники из Александро-Невской лавры, решив ускорить кончину Н.Я.Бичурина, перестали не только ухаживать за больным ученым, но и лишили его пищи, ссылаясь на то, что «отец Иакинф уже покончил земные расчеты, он соборован, и его ждет пища небесная». Приходя в сознание, умирающий Иакинф шептал: «Обижают... не кормят... забыли... не ел...»

В мемуарной литературе о Н.Я.Бичурине Н.С.Щукин описал случай, когда физически ослабевшего, терявшего дар речи больного однажды посетил чиновник Азиатского департамента, бывший член Пекинской духовной миссии, и заговорил с ним по-китайски: «Вдруг старец как бы выздоровел: заблестали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык — и, безмолвный прежде, говорил беспрерывно полчаса на любимом языке своем».

Смерть настигла ученого-монаха в пять часов утра 11 мая 1853 г. В некрологе, помещенном в газете «Северная пчела», об Иакинфе Бичурине напишут: «Его отпевали в кладбищенской церкви Невского монастыря; пекинский архимандрит Гурий совершал литургию. Из многочисленных его знакомых на похоронах присутствовали только четыре человека». Канцелярия Александро-Невской лавры не сочла нужным известить о смерти Бичурина близких и знакомых.

Прах Бичурина был предан земле на старом кладбище Александро-Невской лавры, на его могиле установили лишь деревянный крест без надписи. Для увековечения памяти великого ученого друга и почитатели его таланта со временем поставили на его могиле черный мраморный обелиск, на котором выбита простая надпись: «Иакинф Бичурин. Род. 1777 ум. 1853 г. Мая 11 д.». Между этими надписями, вдоль памятника, по-китайски написана эпитафия: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на annales истории». Следопытом Востока назвал Бичурина народный поэт Чувашии П.Хузангай.

Научные труды Бичурина не имеют себе равных в мировой синологии. Многие из них увидели свет и принесли ему не только признание в России, но и европейскую славу.

Память о нашем земляке, выдающемся ученом, чтут на его родине. В Чувашии учреждена Государственная премия имени Н. Бичурина, пресуждаемая ежегодно за лучшие научные исследования. В с. Бичурино установлена мемориальная доска, в местной школе есть музей. Именем Бичурина названа улица в Чебоксарах*.

* Очерк подготовлен на основе книги П.В.Денисова «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина». Чебоксары, 1997.